

СОДЕРЖАНИЕ

О ЧЕМ МЫ НА САМОМ ДЕЛЕ ДУМАЕМ, КОГДА ДУМАЕМ О КИТАЕ?	3
МЫ У НИХ	10
БЛОНДИНКА В ПЕКИНЕ. ВСЕГДА ПРИКЛЮЧЕНИЕ	10
Никогда не стать своим	10
Меня зовут лаовай	14
Женщина или красавица?	16
В личное пространство вход разрешен	19
Журналистика с китайской спецификой	22
С песней по жизни	25
Желтая лихорадка	28
Брак по-китайски	33
Своя среди чужих	36
Привычка — вторая натура	39
Доступность — враг наслаждения	43
Кто чем пахнет	48
Блондинки получают все	51
Рай бытового обслуживания	54
Ни с тобой, ни без тебя	57

ШОПИНГ ОСМЫСЛЕННЫЙ, НО БЕСПОШАДНЫЙ	61
Горести китайского шопинга	61
Радости транжирства	64
Поднебесное качество	67
Подпольная сумка	70
Почти настоящее...	73
За три копейки	76
Дешево и сердито	78
Жизнь после подделок	81
КАК ТУТ ЕЗДИТЬ	86
От «Восточного ветра» до «Великой стены» ...	86
Берегись автомобиля!	89
Дорога полна неожиданностей	92
Никто не хотел уступать	94
Роскошь на колесах	97
Моя пятилетка	99
ОНИ У СЕБЯ ДОМА	103
Жизнь улиц	103
ЗАГАДОЧНАЯ КИТАЙСКАЯ ДУША	106
Вечность часами не измеришь	106
Мао навсегда	109
Счастье для всего человечества	113
Просто хорошие люди	115
Светлый путь	118
Индивидуализм или коллективизм?	121

Гейша против Конфуция	124
Почему Китай не рад?	127
СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ. КАК УСПЕТЬ ЗА ПЕРЕМЕНАМИ?	131
Мать Земля устала	131
И яйцо, и курица	134
Человеческое, очень человеческое... ..	137
Успешные или счастливые?	140
Волчье воспитание	143
Самые умные	146
Три дня и вся жизнь	148
Соблазны образования	151
Как расправить крылья	153
Холостяцкий бум	156
Праздник безбрачия	158
Цена большой любви	161
Жениться или учиться?	164
Счастья воз	166
Позвоните родителям	170
НОВЫЕ КИТАЙЦЫ	174
Роскошные китайцы	174
Роскоши много не бывает	177
Любимая пижама	180
Потребление с лицом и без	182
Это материальный мир, детка	185
Дай миллион!	188
Кто хочет замуж за миллионера?	191
Быть богатым опасно для жизни	195
Присербывать или есть молча?	197
Прощай, Китай!	200

О ЧЕМ МЫ НА САМОМ ДЕЛЕ ДУМАЕМ, КОГДА ДУМАЕМ О КИТАЕ?

В Китае я прожила 12 лет. Вроде бы и много, но достаточно ли для того, чтобы понять страну и людей, постигнуть китайскую душу — такую же загадочную, непонятную и таинственную, как любая другая чужая душа? Иногда мне кажется, что если я и не знаю о Китае все, то точно его понимаю. А иногда кажется, что как будто и не жила там: китайская душа так и осталась потемками.

Все эти годы я много писала о Китае — статей, заметок, мы снимали телевизионные репортажи и документальные фильмы. Я хотела рассказать о том Китае, который узнала и полюбила. Мне было важно разрушить стереотипы, потому что мои собственные разбивались с оглушительным грохотом. Мне все еще хочется именно этого — избавлять от стереотипов, хотя многие живучи, а некоторые правдивы.

На мой восьмой год в Китае я попросила своих читателей, друзей и знакомых написать о том, какие ассоциации вызывает у них слово «Китай», что первым приходит в голову, когда они слышат название этой страны. Я хотела

понять, как сильно на нас влияют привычные шаблоны, потому что постоянно сталкиваюсь с дремучими стереотипами в отношении Китая. Я устала отвечать на вопрос, наелись ли китайцы досыта или по-прежнему питаются собаками. (Ответ: наелись, но собаками все же, бывает, питаются — одно не противоречит другому). Я устала объяснять, что современный Китай — это вовсе не горсточка риса и Мао портрет (хотя и рис, и портрет Мао Цзэдуна имеют место). Потому что очень часто, когда в дискуссии спрашиваю: «А когда вы в последний раз были в Китае?», мне отвечают: «Не был, и не собираюсь, и так знаю, что страна отсталая». Непробиваемый аргумент. А вот мои друзья, в первый раз попавшие в Шанхай в 2003 году, были так ошеломлены, что только и смогли вымолвить: «Мы отстали от них навсегда».

С чего можно начать словарь, построенный на ассоциациях людей, никогда не бывавших в Китае или бывавших одну короткую неделю? Начнем, пожалуй, с буквы М — мне кажется, что правильнее всего начать с самой распространенной ассоциации. Вот как о ней написала Галина Ю.: «Читаю сейчас Вербера «День муравья». Так вот, Китай и китайцы напоминают мне муравейник и муравьев. Такие же маленькие, трудолюбивые, многочисленные, со своим менталитетом, жесткой дисциплиной и древней цивилизацией. А еще — вызывающие чувство опасности. Видимо, потому, что я их не знаю, а их слишком много, и они очень напористые». Ей вторит Дмитрий О., определяющий Китай двумя словами: «Муравьиный коммунизм».

Этой ассоциации много десятилетий. Образ массы людей, одетых в бесполое синие или серые костюмы, шагающих через проходные многочисленных фабрик и заводов, прочно

засел в нашем сознании. Вроде и одеваются китайцы сейчас разнообразнее, и лицами повеселели, но нас не проведешь: однажды решили, что муравейник, — значит муравейник навсегда. И хотя я противник шаблонов и любитель развенчивать стереотипы, должна признать: в этой ассоциации много правды.

Как утверждают энциклопедии, муравьи распространены по всему миру, за исключением Антарктиды. У Китая и в Антарктиде есть научно-исследовательская станция, называется «Чанчэн» (Великая стена — кстати, это вторая по распространенности ассоциация с Китаем). Муравьи — и это удивительный факт — составляют от 10 до 25% всей наземной биомассы нашей планеты. Из 7 миллиардов землян китайцев 1,3 миллиарда — почти 19%: вполне сопоставимая цифра.

Муравьи, если вы вдруг не в курсе, считаются «наиболее эволюционно продвинутым семейством насекомых», а их «успех во многих средах обитания обусловлен социальной организацией и способностью изменять место обитания и использовать разнообразные ресурсы». Если во второй части изменить слово «муравьи» на «китайцы», смысл останется прежним. За тысячелетия китайцы научились выживать в любых условиях, по моему глубокому убеждению, это вечный народ (кстати, такую ассоциацию тоже прислали). Китайцы выживают в любом климате, при любом политическом строе, в войну и мир. Испытания делают их сильнее и злее, мирные победы кружат голову — именно это произошло после грандиозного успеха летней Олимпиады 2008 года в Пекине и ЭКСПО-2010 в Шанхае. Зимняя Олимпиада 2022 года снова пройдет в Пекине, и снова, я в этом уверена, будет головокружение от успеха. Потому

что и успех будет, в этом я не сомневаюсь, несмотря на сложную эпидемиологическую обстановку в мире. Сегодня значительная часть китайцев убеждена, что, как и муравьи, они «наиболее эволюционно продвинуты». Я, как и многие мои коллеги, с которым мы активно обсуждали эту тему, смотрю на это с опаской: чувство собственного превосходства маленькой нации вызывает улыбку, большой — тревогу.

Светлана С. говорит, что когда думает о Китае, представляет себе «масштабность, терпение, умение ждать веками, многомиллионную армию одетых в одинаковое людей, семейственность». Насчет армии работников (или армии муравьев-тружеников, если вам так больше нравится) пишут многие: «Много работают, наполнили всю землю...», «Много и тяжело работающая дешевая рабочая сила», «Очень трудолюбивый народ... Респект».

Знаете, по моим многолетним наблюдениям, любовь китайцев к труду — один из самых распространенных мифов. На самом деле, если есть возможность не работать, китаец не работает. Другой вопрос, что в Китае поговорка «кто не работает, тот не ест» — суровая правда в самом прямом смысле. Именно потому, что их так много, конкуренция беспощадна, и если у тебя нет работы, то и ничего нет — ни семьи, ни детей: чтобы жениться, надо дом иметь, а заработать его — не самая простая задача. А вот без детей совсем плохо: как предкам в глаза смотреть, если род не продолжил? Так что работа для китайца во многом — действительно смысл жизни. Но в значительной степени — вынужденный.

Ирина Б., когда-то побывшая в Китае, пишет: «Так как моя мама наполовину китаянка, мне было безумно интересно.

Мама рассказывала, да я и сама вижу, насколько китайцы терпеливы, трудолюбивы, трудоспособны и простодушны. Когда мы ходили на рынок, то видели продавцов только в двух состояниях — едящими или спящими». Едящими — потому что это главная радость в жизни, поесть китайцы очень любят, а спящими — потому что устают сильно и используют любую возможность отдохнуть. Способность китайцев засыпать крепким младенческим сном на самых неподходящих поверхностях не перестает удивлять. Много раз видела, как они кладут голову на бордюр, размещаясь прямо на асфальте в теплое время года.

Иностранцы, которые приезжают в Китай не «посмотреть», а пожить, делятся как минимум на две категории: которые хотели и готовились, и те, у которых «так получилось». Те, кто стремились, читали книги об истории и традициях, уверялись в наличии сакрального знания, по приезду хотят скорее побывать в Тибете или — в крайнем, конечно, случае — в Шаолине. Их легко узнать по выражению лица «не верю!» (в свое счастье, неужели я действительно здесь?). Некоторые умудряются сохранить это выражение удивления и еще более удивленное отношение к Китаю на год, два и даже дольше, но таких меньшинство, и спустя несколько лет выглядят они... скажем так, странно. Вот не далее как пару дней назад одна молодая женщина из Беларуси сказала мне: «Я уже два года живу в Шанхае и не перестаю испытывать оргазм от этого города». Я ей по-доброму позавидовала — мой восторг от Китая длился примерно столько же, и я успела за это время написать свою первую книгу «Поднебесная страна». Тот восторг, признаться, выветрился, но Китай — бурный, разнообразный, стремительный, устремленный, ленивый, непонятный, сложный — этот Китай остался. И сегодня для меня загадок

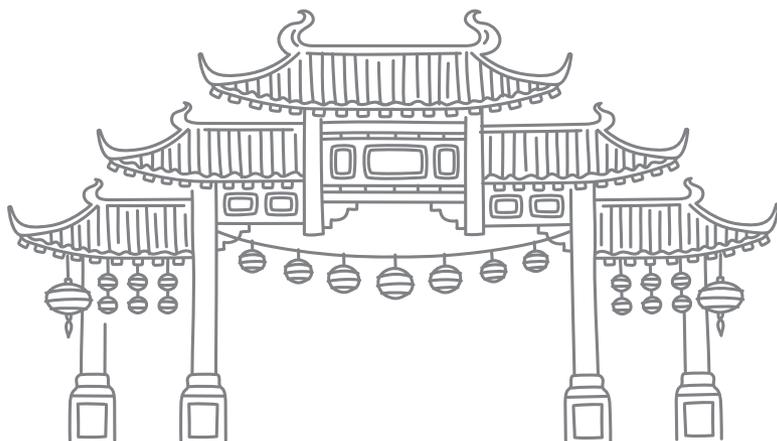
в нем не меньше (если не больше), чем когда я приехала сюда много лет назад. Можно ли привыкнуть к жизни здесь? В бытовом плане — несомненно, потому что жизнь эта удобна и приятна. Но ведь не только быт определяет счастье. А вот ко всем остальным аспектам местной жизни привыкнуть и приспособиться куда труднее. Хотя бы потому, что здесь мы, иностранцы, никогда не станем своими — лицо выдаст. Да, конечно, и в Европе или Штатах приедем стать своим очень сложно. Но здесь это просто невозможно.

Может быть, именно поэтому я из года в год наблюдаю круговорот иностранцев: одни приехали — в восторге — другие подустали — «жизнь дорожает на глазах!» — третьи устали настолько, что лихорадочно пакуют чемоданы, приговаривая «никогда больше!» Но большинство сходится во мнении, что «лучшие времена» для иностранцев в Китае прошли и, скорее всего, безвозвратно. Пандемия коронавируса не стала их причиной, но ускорила многие процессы. С одной стороны, Поднебесная закрылась от внешнего мира (о, здесь умеют строить стены!), с другой, к иностранцам стали относиться с подозрением: пропаганда работает на полную мощь, сообщая, сколько случаев ковида привез каждый самолет. О том, что большинство этих случаев — граждане КНР, умалчивают (о, китайцы знают толк в пропаганде).

Иногда Китай кажется мне испытанием — себя на прочность, дружеских связей на выдержку. Мы можем закалиться, обрести не подверженную никаким погодам веру в себя и хитроватый китайский прищур, станем с иронией смотреть на окружающий мир и свое отражение в зеркале, писать друзьям письма с полунамекками и недомолвками,

не покупать все «слишком китайское» и разучимся пить черный чай, заменив его зеленым. Или будем страдать от обилия китайских лиц на улицах, непонимания языков и нравов. Но и при том, и при другом развитии событий дело только в нас самих. И в выборе, который мы совершаем каждый день. И в круговороте, в который окунаемся. И из которого выходим обновленными — как правило.

В этой книге мы будем разбираться с загадками, стереотипами и делать открытия. Я расскажу о том, что это за удивительный опыт — жить в Китае иностранцем. Это значит постоянно слышать за спиной шушуканье «Лаовай, лаовай!» и быть готовым к тому, что это звание (совсем, между прочим, не почетное) с собой несет — желание прикоснуться, поговорить и обсчитать. Добро пожаловать в Китай, который я узнала и полюбила!

МЫ у НИХ

БЛОНДИНКА В ПЕКИНЕ. ВСЕГДА ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Никогда не стать своим

Когда долго живешь в Китае, с завидной регулярностью читаешь в газетах и журналах материалы на одну и ту же тему — как правило, восторженные и удивленные. Тема, восторг и удивление — категория постоянная, имя автора (всегда иностранца) меняется. Все понятно: новенький. Я тоже помню, с каким трепетом встречала свой первый праздник Середины осени и не могла понять, почему некий иностранец написал в газете, что вопрос юебинов (это так лунные пряники называются, которые положено в этот праздник есть) на самом деле волнует только в первый год в Китае. Но на второй год, а уже тем более на третий и остальные, оказалось, что он был прав: вот ПРАЗДНИК

СЕРЕДИНЫ ОСЕНИ, вот повсюду юебины, а мне до них и дела нет — даже не попробовала. Хотя, признаться, само событие не пропускаю: в ПРАЗДНИЧНУЮ НОЧЬ ЛУНА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО САМАЯ КРАСИВАЯ В ГОДУ, и я ПОНИМАЮ КИТАЙЦЕВ, КОТОРЫЕ УЖЕ ПАРУ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ СОБИРАЮТСЯ ВМЕСТЕ, ЧТОБЫ ПОЛЮБОВАТЬСЯ НОЧНОЙ КРАСАВИЦЕЙ. Мы тоже любовались — собрались у друзей на балконе и высматривали Луну. Небо было все в тучах, и казалось, что в этом году мы останемся без бодрящего лунного света. Но нет: вышла красавица, пробилась. Радость. Вам это, может быть, покажется наивным и излишне сентиментальным, но это так: все мы становимся сентиментальнее. С годами, прожитыми вообще, и с годами, прожитыми вне исторического дома.

Может быть, поэтому иностранцев, живущих в Китае, хоть и много (счет идет на сотни тысяч), но большинство после нескольких лет разъезжаются по свету дальше — кто-то возвращается на родину, кто-то перемещается в другую страну. Мы все больше становимся похожими на кочевников, не способных подолгу задерживаться на одном месте — все время спешим, все время боимся что-то пропустить, куда-то опоздать...

«Самая востребованная профессия современности — эмигрант», — говорит со знанием дела мой приятель Луис Кастанеда: он много лет живет в Майами, как и большинство кубинцев, ускользнувших с родины. В том, что он именно «ускользнул», я не сомневаюсь: за годы нашего знакомства он так и не признался, как оказался в США. Но постоянно печалится о том, что практически весь его пленочный фотоархив, а он знаменитый фотограф, остался на родине, которую он, приближающийся к восьмидесяти, уже не надеется увидеть. Грустит? Конечно. Но у него принципиальные

разногласия с братьями Кастро и теми, кто пришел после них, поэтому он одиночкой живет в Майами, говорит, что терпеть не может и этот город, и приютившую его страну, но менять уже ничего не будет: поздно. Луису я сочувствую, но насчет профессиональных эмигрантов не соглашаюсь.

На мой взгляд, эмиграция в своем классическом виде — со сменой гражданства и невозможностью вернуться на родину — дело пусть и не далекого, но прошлого. Сейчас востребована совсем другая форма, когда люди считают себя не эмигрантами, а экспатами — теми, кто живет за пределами исторической родины. Гражданство обычно не меняют, а просто живут там, где интереснее и легче заработать. Практически все мои пекинские друзья — экспаты. На вопрос: «Вы здесь надолго?» никто не отвечает, что навсегда. Говорят: «Пока не знаем» или «Как с бизнесом дела пойдут», и живут десятилетиями, покупают дома, машины и квартиры, учат детей в иностранных школах, но при этом даже не пытаются влиться в местную среду (хотя языком владеют почти все) или почувствовать себя частью страны, в которой живут.

Случается, все же уезжают. Может быть, устают от состояния временности. Одни знакомые уехали в Новую Зеландию — и стали-таки профессиональными эмигрантами, по чисто экономическим причинам: жить там, говорят, лучше. Но это только если есть хорошая работа. Потому как если работы нет, то и источников существования тоже нет, а в этом случае никакие красоты нетронутой природы тебя не вдохновляют. Другая пара вернулась домой в Москву — главу семейства, талантливого программиста и организатора, взяли на работу в «Майкрософт»: зарплата высокая, условия жизни прекрасные, к тому же родной город.

До этого прожили десять лет в Венгрии и почти четыре года в Китае. Проводили домой в Киев семейную пару, покинувшую Пекин после 18 лет проживания. Они были первыми, кто почувствовал: условия для ведения бизнеса ухудшаются, зарабатывать, как раньше, иностранцу уже невозможно, а жизнь на съемной квартире, когда в Киеве пустует собственный дом (построенный на заработанные в Китае деньги) стала не только утомлять, но и раздражать. Так что в основе жизни экспатов — все-таки деньги. И рыба ищет, где глубже, и человек, где лучше. Обычная история.

Русскоязычные китайские экспаты, как мне кажется, отличаются от тех, кто живет в Лондоне или, например, в Чехии. На улицах Карловых Вар тебя легко (и отборно по-русски) обхамят на парковке, в Пекине это немыслимо. Я все думала — почему? И, кажется, нашла ответ.

Большинство пекинских русскоязычных экспатов (сотрудников посольств и прочих государственных учреждений в расчет не берем) из разряда людей, самих себя сделавших. Они приехали из городов российского Дальнего Востока, имея в качестве стартового капитала желание заработать и (часто, но не всегда) знание китайского языка. Многие начинали бизнес в чужой стране с нуля и все, что у них есть сегодня, заработали сами. Как, кстати, и многие нынешние китайские миллионеры, поднявшиеся на волне реформ и экономической свободы. Лет 25–30 назад, когда большинство русскоязычных начинали свой бизнес в Китае, рынок был почти пуст, и на одном чартерном рейсе, который перевозил челноков с закупленным товаром из Тяньцзиня в Киев, можно было заработать по-настоящему много. С тех пор ситуация сильно изменилась, но отношения между людьми сохранились.